

ЧАСТЬ II.

ХАРАР

**«ЛИШЬ НЕБУ
ВЕДОМЫ ПРЕДЕЛЫ
НАШИХ СИЛ...»**

«Лишь небу ведомы пределы наших сил...»¹

Путешествуй только с теми, кого любишь.
Эрнест Хемингуэй²

Каждый историк и этнограф мечтает побывать в местах, где происходили события, ставшие ключевыми в рамках темы его исследований. Для исламоведов Харар, несомненно, одно из таких мест. И дело здесь не только в понятной каждому научной любознательности. За годы работы я понял, что лишь оказавшись на месте событий можно понять древний текст, который изучаешь: то, что для его автора было абсолютно ясным, само собой разумеющимся — какие-либо ориентиры или препятствия на местности, например, — с его точки зрения часто не нуждалось в пояснении. Нам же это непонятно по определению. Лишь увидев место собственными глазами, ты часто только и можешь понять, о чем идет речь. Харар — город легендарный. Он не только сохранил улочки и атмосферу традиционного исламского города, но и удивительные, еще не описанные рукописные коллекции, хранящиеся во множестве его святых *мазаров*. Если Шейх-Хусейн стал для меня прообразом Мекки реальной, то Харар — это Мекка для специалиста по исламским рукописям. Я ехал туда со своими друзьями, и это было здорово!

На пути в Харар. 2008 г.
Фото Татьяны Федоровой

Один из сотен полумесяцев
над священным городом. 2008 г.
Фото Татьяны Федоровой

¹ Николай Гумилев. Молитва мастеров. 1909 г.

² Эрнест Хемингуэй. Праздник, который всегда с тобой. Старик и море. Пер. с англ. В. Голышева, Е. Голышевой, Б. Исакова. М.: Издательство АСТ, 2016. С. 84.

Утром 27 марта мы по дороге в Шейх-Хусейн решили заскочить в Гинир. Едва выехав из города, попали в пробку: на шоссе и вдоль обочин стояло стадо коз. Пастух едва прореагировал на наши сигналы, вяло посмотрел на нас, хлопнул одну из коз палкой по спине и отвернулся. Мы простояли минут пять, пока кто-то из наших водителей не вышел

Наш маршрут в Харар в 2008 г.

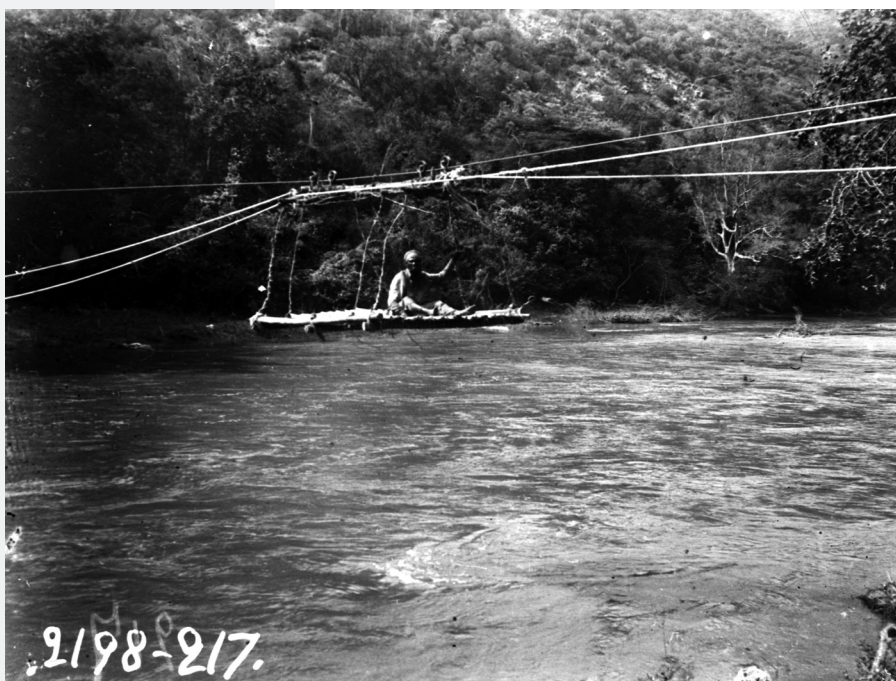
«ЛИШЬ НЕБУ ВЕДОМЫ ПРЕДЕЛЫ НАШИХ СИЛ...»

с ним на переговоры. Оказалось, что нужно было просто заплатить немного за проезд, что и было сделано. Обочина справа была тут же очищена, и мы двинулись дальше. Я обернулся: пастух вернул коз на прежнее место, вновь заблокировав дорогу. Я совершенно не готов винить местных жителей за такой способ заработка. Бедность тут очевидна и часто вызывающа.

Конечно же, нельзя было не остановиться у моста через Уэби-Шэбэлле. Он был построен приблизительно в том же месте, где через эту реку переправлялись Гумилев и его спутники в 1913 г. Об этом подробно рассказал Николай Сверчков матери, которая и сохранила его рассказ: «В другой раз подошли они к реке Уаби. Вместо моста была устроена переправа таким образом: на одном берегу и на противоположном росли два дерева, между ними был протянут канат, на котором висела корзина. В нее могли поместиться три человека и, перебирая канат руками, двигать корзинку к берегу. Н. С. очень понравилась такое оригинальное устройство. Заметив, что деревья подгнили или корни расшатались, он начал сильно раскачивать корзинку, рискуя ежеминутно упасть в реку, кишашую крокодилами. Действительно, едва они вылезли из корзинки, как одно дерево упало, и канат оборвался»³.

Как бы то ни было, поэтический отклик на сложные и по-настоящему опасные переправы появился уже тогда и был написан в «Восточной Африке», как указал сам Гумилев:

Если же завтра волны Уэби
В рев свой возьмут мой предсмертный вздох,
Мертвый, увижу, как в бледном небе
С огненным черным борется бог⁴.

Н. С. Гумилев, Н. Л. Сверчков.
«Переправа через Уаби». 1913 г.
МАЭ № 2198-217

Н. С. Гумилев, Н. Л. Сверчков.
«Подвижной висячий мост через реку Уаби.
Ворот, приводящий мост в движение». 1913 г.
МАЭ № 2198-213

³ Цит. по: Степанов. *Летопись*, I. С. 823, прим. 101.

⁴ Николай Гумилев. *Африканская ночь*. 1913 г. Это единственное стихотворение Гумилева, место написания которого помечено как Восточная Африка.

Сейчас, благодаря удобному спуску к реке, место у моста оставалось популярным: кто-то пригнал скот на водопой, кто-то, в отдалении, стирал в реке одежду, нагой юноша обсыхал после купания. Две женщины с осликом, как всегда груженным дровами, перешли реку вброд и стали умываться. Всадник поил своего мула, оставаясь в седле посреди неглубокой реки. На его согнутой руке у локтя висел зонт, который издали казался шпагой. Крокодилы тут перевелись, судя по всему. Я стоял рядом с Сашей Соловьевым, снимавшим переезд наших машин через деревянный мост, и отчетливо слышал, как поскрипывали доски настила⁵.

Проехав чуть дальше, остановились, чтобы купить фруктов у мальчишек, стоявших у дороги. Мы купили что-то у троих из них и едва смогли пробиться назад к машинам: негодюя на своих более счастливых приятелей, мальчишки бросились за нами вдогонку, а один даже упал мне под ноги.

Нашей целью в Гинире был базар, где Гумилев приобрел несколько экспонатов для МАЭ. По мере приближения к нему на дороге появлялось все больше запряженных ослами повозок с разнообразным грузом. Женщина на одной кормила ребенка грудью и, оживленно разговаривая, жестикулировала свободной рукой. Подростки гнали перед собой коз на продажу. Девушки шли с поклажей на головах (одна даже несла так швейную машинку антикварного вида): «По дороге ехали десятки абиссинцев, проходили данакили, галласские женщины с отвислой голой грудью несли в город вязанки дров и травы. Длинные цепи верблюдов, связанных между собой за морды и хвосты, словно нанизанные на нитку забавные четки, проходя, пугали наших мулов»⁶. Несмотря на ранний час, на солнце было уже за 30. Многие шли под зонтиками. Раскаленное шоссе дышало горячим воздухом. Марево размывало фигуры идущих.

⁵ Я искренне благодарю Ивана Голубкова за помощь в подборе иллюстраций для этой главы.

⁶ Гумилев. Африканский дневник, *Сочинения*, VI. С. 87.

«ЛИШЬ НЕБУ ВЕДОМЫ ПРЕДЕЛЫ НАШИХ СИЛ...»

Видя дорожное оживление, мы ожидали яркого и богатого рынка, но все оказалось иначе. Базар встретил нас остовами пустых палаток и оказался на удивление бедным. Мы все-таки купили что-то нужное, заглядывая в открытые лавки, и двинулись дальше.

Закончив в тот день работу в Шейх-Хусейне, на следующее утро выехали в Харар, но ближайшей нашей целью был Дыре-Дауа — узловая станция железной дороги, город, основанный лишь в 1902 г. и ставший «Новым Хараром» благодаря удобной логистике.

Погода изменилась. В небе появились плотные облака причудливых форм, которые пятнали отчетливыми тенями зеленые долины и склоны невысоких гор. Мы остановились, чтобы поснимать пейзажи. Тени двигались на удивление быстро, гонимые сильным ветром где-то на высоте.

Проехали совсем немного — и опять остановка. Дорогу перегораживал шлагбаум, стояли люди с автоматами. На обочине рядом со своими чемоданами молилась семья мусульман, судя по одежде — не местных, скорее всего из одной стран Залива. Документы у водителя стоявшего перед нами грузовика проверяли тщательно и довольно долго. Все тут было серьезно, и приезжих мусульман, скорее всего, высадили из-за проблем с документами. Нас пропустили без проблем, и совсем скоро мы уже въезжали в Дыре-Дауа.

Всадник под зонтом. 2008 г.
Фото Ефима Резвана

Дмитрий Шнеерсон на базаре в Гинире. 2008 г.
Фото Татьяны Федоровой

У КПП на повороте в Дыре-Дауа. 2008 г.
Фото Ефима Резвана

«Европейская» часть города похожа скорее на городок на юге Франции. Тенистые бульвары, аккуратные дома, витрины магазинов: «Дире-Дауа очень выросла за те три года, пока я ее не видел, особенно ее европейская часть. Я помню время, когда в ней было всего две улицы, теперь их с десяток. Есть сады с цветниками, просторные кафе <...>. В европейской части города нет ни экипажей, ни фонарей. Улицы освещаются луной и окнами кафе...»⁷

Мы остановились на привокзальной площади, чтобы отснять гостиницу “Makonnen”, в которой мог останавливаться Гумилев. Бар у гостиницы выглядел совсем по-европейски: кого-то за столиком ждала красивая девушка, молодой человек лениво читал газету, периодически отхлебывая пиво из запотевшей кружки.

Тут было царство синих тук-туков, юрких трехколесных моторикш. Сидящий на тротуаре местный «чистильщик сапог» орудовал не щеткой и ваксой, а губкой, и мыл белые кроссовки водой из вездесущей желтой канистры.

«В туземной части города можно бродить целый день, не соскучась. В двух больших лавках, принадлежащих богатым индусам Дживаджи и Мохамет-Али, шелковые шитые золотом одежды, кривые сабли в красных сафьяновых ножнах, кинжалы с серебряной чеканкой и всевозможные восточные украшения, так ласкающие глаз. Их продают важные толстые индусы в ослепительно-белых рубашках под халатами и в шелковых шапочках блином. Пробегают йеменские арабы, тоже торговцы, но главным образом комиссионеры. Сомалийцы, искусные в различного рода рукодельях, тут же на земле плетут циновки, приготавливают по мерке сандалии. Проходя перед хижинами галласов, слышишь запах ладана, их любимого куренья»⁸.

Старый город действительно много более колоритен, в первую очередь благодаря Кафире, огромному рынку. Тут, в кажущемся хаосе узких проходов и улочек, кипела жизнь, от неказистых лавок покупатели тащили громадные тюки, в тени под навесом считали деньги, между

Гостиница «Маконнен» в Дыре-Дауа. 2008 г.
Фото Ефима Резвана

⁸ Там же.

Базар Кефира в Дыре-Дауа. 2008 г.
Фото Ефима Резвана

торговых рядов бродили козы... Стоя у двух дорогих внедорожников, группа афаров (данакилей у Гумилева) договаривалась о чем-то с двумя неприметными светлолицыми мужчинами в темных очках. Если раньше у данакилей была слава грабителей караванов и торговцев рабами, то теперь они часто являются посредниками в нелегальной трудовой миграции из Эфиопии в страны Залива.

В лавках продавали товар на любой вкус: сушеный красный перец, желтый отборный лук, помидоры, горки пряностей, корзины разных форм и назначений, венки, сосуды из тыкв, местную керамику, черную с белым орнаментом... Здесь не торговали, а жили. Кто-то мирно спал в теньке рядом со своим товаром, продавщицы болтали между собой. Тут же бегали и играли их дети. Одна из женщин кормила младенца грудью и отвечала что-то покупателю. В *вади* Дечату неподалеку стояла пара верблюжьих караванов, груженных дровами по преимуществу. Только вернувшись домой, я прочитал, что Кефира сегодня — один из крупнейших базаров в Восточной Африке.

Поехали на вокзал и застали прибытие поезда. Ничего похожего я раньше не видел: переполненные вагоны без стекол в окнах со щербатыми, пробитыми, как после обстрела, стенами, внутри — ужасный запах. Посреди вагона стояла железная открытая выгородка высотой чуть более половины человеческого роста. Она и была туалетом. Тут, похоже, все было едва ли не так, как сто лет назад. Нас очень любезно приняли в Управлении железной дороги. В приемной на стене висел футуристический плакат, повествующий о том, как вскоре все изменится. Поверить в это казалось невозможным, однако, как выяснилось, я ошибался.

«ЛИШЬ НЕБУ ВЕДОМЫ ПРЕДЕЛЫ НАШИХ СИЛ...»

Действительно, в 2010 г. дорога окончательно встала: «После завтрака нам было объявлено, что поезд дальше не пойдет, так как дождями размыло путь, и рельсы висят на воздухе <...>. На другой день из Джибути прибыл поезд с инженерами и чернорабочими для починки пути. С ними же приехал и курьер, везущий почту для Абиссинии. <...> К этому времени уже выяснилось, что путь испорчен на протяжении восьмидесяти километров, но что можно попробовать проехать их на дрезине <...>. Дорога, действительно, была трудна. Над промоинами рельсы дрожали и гнулись, и кое-где приходилось идти пешком. Солнце палило так, что наши руки и шеи через полчаса покрылись волдырями. По временам сильные порывы ветра обдавали пылью»⁹.

Однако в Дыре-Дауа появились китайцы. В 2011–2017 гг. был заново построен участок пути Аддис-Абеба — Дыре-Дауа — Джибути, первая полностью электрифицированная железная дорога стандартной колеи в Африке. Грузовое движение было открыто в октябре 2016 г., а пассажирское — в январе 2018 г. Было построено 15 новых станций, появились комфортабельные китайские вагоны, однако уже годом спустя они были выведены из обращения по причине не востребоваемости билетов, крайне дорогих для местного рынка.

Оказалось также, что поезда часто были вынуждены останавливаться в чистом поле обычно из-за животных, которых сознательно загоняют под колеса. Тут же вагоны окружают люди, требующие немедленного возмещения убытков в двойном или тройном размере — все сбитые козы или верблюдицы, оказывается, были стельными. Раненых животных добивают, женщины плачут на камеры туристов: «Навстречу нам по многолюдной улице шел с ружьем на плече

Прибытие поезда на железнодорожную станцию Дыре-Дауа, старинный вагон там же и плакат в Управлении железной дороги. 2008 г. Фото Татьяны Федоровой

⁹ Гумилев. Африканский дневник, Сочинения, VI. С. 81–82.

Цвета Харара. 2008 г.
Фото Ефима Резвана

мальчишка-негр лет десяти, по всем признакам раб, и за ним из-за угла следил абиссинец. Он не дал нам дороги, но так как мы ехали шагом, нам не трудно было объехать его. Вот показался красивый харрарит, очевидно, торопившийся, так как он сказал галопом. Он крикнул мальчишке посторониться, тот не послушался и, задетый мулом, упал на спину, как деревянный солдатик, сохраняя на лице все ту же спокойную серьезность. Следивший из-за угла абиссинец бросился за харраритом и, как кошка, вскочил позади седла: “Ба Менелик, ты убил человека”. Харрарит уже приуныл, но в это время негритенок, которому, очевидно, надоело лежать, встал и стал отряхивать с себя пыль. Абиссинцу все-таки удалось сорвать талер за увечье, чуть-чуть не нанесенное его рабу»¹⁰.

В случае описанной выше остановки поезда обычно вызывают полицию, подключаются и местные власти. На все это уходят часы... Истории похожи, но мотивация разная: в первом случае — нужда и выживание, во втором — нажива. Государство берет пошлину за провоз товаров по своей территории. Люди, живущие на своей земле веками, часто не понимают в принципе, почему никто не обращает внимания на их права. Новые коммуникации часто разрушают и традиционные способы заработка. В начале XX в. в ходе строительства Хиджазской железной дороги турецкие власти были вынуждены послать войска для охраны строителей и станций. Дорога убивала паломнические караваны, проходила по земле, которую бедуины считали своей, и лишала их традиционного заработка, который приносили им *хаджжи* на протяжении столетий.

Пока китайский проект генерирует лишь убытки, но они считают вдолгую, планируя провести линии в Южный Судан, Уганду и Кению и рассчитывая в перспективе на строительство моста через Баб-эль-Мандебский пролив¹¹.

Дорога от Дыре-Дауа к Харару началась для меня с проблемы с фотоаппаратом: что-то попало в объектив, и он не желал выдвигаться. Я долго пытался справиться с этим, а когда получилось, и я поднял глаза, то сразу увидел небольшой придорожный базар. Попросил водителя остановиться. Две другие машины притормозили за нами, но потом двинулись дальше, мы же с Таней Федоровой вышли поснимать.

Базар оказался невероятно бедным: расположившиеся прямо на земле люди в рваной одежде и с крайне худыми лицами продавали битую

¹⁰ Гумилев. Африканский дневник, *Сочинения*, VI. С. 88.

¹¹ Подробнее см. ниже в главе «Город святых».

«ЛИШЬ НЕБУ ВЕДОМЫ ПРЕДЕЛЫ НАШИХ СИЛ...»

посуду, часто вообще что-то непонятное. Я сделал пару снимков, чтобы проверить, как работает камера, повернул назад, и тут меня кто-то ударил по плечу. Обернулся: полукругом стояли человек семь мужчин явно угрожающего вида с длинными палками в руках. Один из них и ударил меня. Хорошо, что мы с Таней оказались рядом. Я заорал на них по-русски, используя традиционный в таких случаях словарный запас. От неожиданности мужчины опешили, и это дало нам десяток секунд, чтобы вскочить в машину. Кто-то из них успел все-таки ударить палкой по крыше.

Мы нагнали коллег, заканчивавших съемки у пересыхающего соленого озера. Я рассказал, что произошло. И наши эфиописты, и водители сошлись на том, что эти люди подверглись за что-то репрессиям властей и попытались выместить на нас свою злость и отчаяние.

* * *

Харар — это чудо! С утра началась интересная работа на улицах старого города. Гумилев и Сверчков провели тут почти месяц и привезли в Петербург интересные коллекции и записи. Здесь сложно было не почувствовать особую атмосферу, связанную с его высоким религиозным статусом и традициями, которые продолжают составлять часть жизни, а не служить лишь для привлечения туристов¹². Мы много снимали, благо было что.

¹² См. ниже в главе «Город святых».

Женщины-оромо. 2008 г.
Фото Татьяны Федоровой

На базаре. 2008 г.
Фото Дмитрия Шнеерсона и Татьяны Федоровой

Здесь любят яркие цвета: зеленые, розовые, фиолетовые фасады домов создают внутри старого города особый цветной мир. Женщины-харари тоже одеваются ярко. Только здесь я видел красные или фиолетовые *хиджабы*, просто стреляющие своим цветом. Женщины-оромо одеваются не менее ярко. И рынок тут цветной и веселый. Если в Дыре-Дауа базар — отдельный город, то тут он неотъемлемая часть городской среды, во многом такой же, как и сто лет назад.

Одна из достопримечательностей Харара — это кат, или чат, как говорят тут. Им торгуют повсюду: и в старом городе, и за его стенами. *Catha edulis* — сочные горьковатые на вкус ярко-зеленые листья без запаха, их вяжущий сок обладает слабым наркотическим действием. Растет кат главным образом в Эфиопии, Йемене и Сомали в горной местности на высоте до 2500 м и требует хорошей почвы, влаги и заботливого ухода. Свежие листочки обрывают со стебля правой рукой, разглаживают, отправляют в рот и начинают старательно жевать. Образовавшуюся во рту кашичу проталкивают языком за правую щеку. Через некоторое время во рту образуется «катовый желвак» — комок ката, сильно оттопыривающий щеку. Процесс обычно продолжается где-то около трех часов. В некотором смысле кат — заменитель запрещенного во многих странах алкоголя. Считается, что он вызывает легкую эйфорию и возбуждение, может снимать усталость и несильную боль. Жуют также вяленые листья ката¹³.

Столько ката я видел только тут и в йеменском Лахидже. Оно и понятно, кат тут растет, потому и дешев. Хорошо помню, как йеменец-водитель гнал нашу машину в Лахидж по узкому горному серпантину как безумный (справа — пропасть с остовами сгоревших бензовозов). Ему просто нетерпелось скорее закутиться и предаться неге с разговорами, шутками, ощущением свободы.

¹³ В. Н. Семенова. Чат (лат. *Catha edulis*) в социальной и культурной жизни Харара (юго-восточная Эфиопия): общие замечания и полевые наблюдения, *Маклаевский сборник МАЭ РАН. Бетель, кофа, кола, чат. Жевательные стимуляторы в ритуале и мифологии*, V. СПб.: МАЭ РАН, 2015. С. 157–176.

Харар: лавка всякой всячины. 2008 г. Фото Татьяны Федоровой

Н. С. Гумилев, Н. Л. Сверчков. «Мелочная лавка в Хараре». 1913 г. МАЭ № 2198-46

Чат. 2008 г.
Фото Ефима Резвана

Однажды вечером в январе 1989 г. к нашему дому в Адене подъехала машина с моим старшим коллегой, известным арабистом, много лет проработавшим в Йемене. Спросив, хочу ли я попробовать кат, и получив утвердительный ответ, он тут же усадил меня на заднее сидение своей машины. По дороге рассказал, что мы едем в гости к большому чину местной контрразведки. Там состоится интересный разговор: серьезные люди будут обсуждать очередное обострение отношений с Северным Йеменом.

Хозяин вышел нас встречать и обратил внимание на то, что я был в джинсах:

— Кат в джинсах не жуют! — Мне тут же выдали *футу* (длинный кусок ткани, который оборачивают вокруг тела в виде юбки) и пригласили в зал, где вдоль стен уже сидели человек пятнадцать и оживленно что-то обсуждали. Перед каждым стоял термос с напитком из кожуры кофейных зерен и поднос с горкой веточек ката. Нам выделили самые почетные места, и хозяин объявил, что я — человек, который никогда в жизни не пробовал кат. Люди вокруг оживились необычайно.

Возгласы, звучавшие со всех сторон, в целом можно было свести к одному: какой же я счастливый, что, наконец, попробую это чудо! Каждый стал передавать мне самые свежие, самые нежные листочки. Я уже знал, как проходит процесс, и приступил к жеванию немедленно. Какое-то время соседи следили за моей реакцией — я благодарно улыбался в ответ, — но вскоре все вернулись к прерванному разговору. Я пытался вникать в обсуждение, одновременно прислушиваясь к своим ощущениям. Эйфория и легкость отчетливо не наступали, зато крайне раздражала необходимость бесконечно жевать листья, условно похожие на березовые, и при этом изображать лицом удовольствие. Хорошо, что было чем запить. Вскоре я потерял нить разговора, сосредоточившись на выживании в текущих обстоятельствах. Ноги у меня затекли (мы сидели по-турецки на ковриках). Я попытался принять более удобную позу, при этом из-под *футы* у меня вылезло колено. Сосед справа, наклонившись ко мне, сказал, что коленку нужно прикрыть: неприлично. Мне удалось достойно дотерпеть до конца разговора. Я действительно испытал эйфорию, когда выплюнул противную кашицу, влез в джинсы и забрался в машину.

Обратно нас повез сам хозяин:

— Ну как? — спросил он меня.

— Супер! — ответил я.

«ЛИШЬ НЕБУ ВЕДОМЫ ПРЕДЕЛЫ НАШИХ СИЛ...»

Он довольно рассмеялся:

— Осталось сделать тебе обрезание и подобрать в жены молоденькую йеменскую красавицу!

К такой глубине этнографического погружения, включенного наблюдения по-нашему, я готов не был. Полный прилив счастья я испытал, оказавшись, наконец, у себя в комнате.

В общем, с катом у меня не сложилось. Когда я спрашиваю коллег, работавших в Йемене, об их отношении к нему, то обычно слышу в ответ похожие истории. Об этом же, сравнивая свой йеменский и харарский опыт, пишет и такой тонкий знаток Востока, как сэр Ричард Бёртон (1821–1890), британский ориенталист, разведчик, дипломат и автор знаменитого перевода сказок «1001 ночи»: «Я не мог не отметить прекрасный вкус растения после вкуса значительно более грубого у того, что был выращен в Йемене. Впрочем, европейцы едва ли ощущают эффект от его употребления. Друг С. и я однажды тщетно пробовали его крепкий настой, однако арабы, непривычные к стимуляторам и наркотикам, заявляют, что, подобно курильщикам опиума, они не могут жить без него»¹⁴.

Не исключено, что именно «условно выборочное» влияние ката привело к тому, что его долго не включали в списки запрещенных растений и веществ. Сейчас, однако, запрет на кат введен, в том числе и в России. Как бы то ни было, проходя по харарским улицам, я не испытывал никакого желания попробовать его вновь.

Конечно же, мы не могли не остановиться у дома, где в 1896 г. работали врачи русского санитарного отряда, тем более что дом нам по собственной инициативе любезно показал *шейх* Ибрагим Шариф, глава Высшего духовного совета Харара. В течение месяца русские лечили здесь больных и раненых и сделали, кроме всего прочего, несколько пластических операций жителям, чьи лица были искуваны гиенами — «санитарами улиц», проникавшими в город ночью через специально созданные в стенах проходы (*враба нудуле*)¹⁵:

«История всегда сохраняется как в написанной, так и в ненаписанной форме, передаваясь от сыновей к сыновьям. Помощь, которую оказали в свое время русские врачи, в Хараре вспоминают по сей день.

¹⁴ R. F. Burton. *First Footsteps in East Africa or the Exploration of Harar*. London: Tylston and Edwards, 1856. P. 156. Подробнее о внутрисламской дискуссии относительно ката см. ниже в главе «Калам и книги».

¹⁵ Подробнее см.: Д. Л. Глинский. *Жизнь русского санитарного отряда в Хараре*. Гродно: Губ. тип., 1897; М. И. Лебединский. *Первый госпиталь в Абиссинии (Из личных воспоминаний)*, *Исторический вестник*, XI (1912). С. 811–826; Ф. Е. Криндач. *Русский кавалерист в Абиссинии. Из Джibuти в Харар*. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1898; Н. К. Шведов. *Русский Красный Крест в Абиссинии в 1896 году. Краткий отчет Главноуполномоченного в Абиссинии Н. К. Шведова* (доклад общему собранию Российского общества Красного Креста 26 января 1897 г.). СПб.: [s.t.], 1897. Документы о посылке санитарного отряда на абиссинско-итальянский театр войны см.: ЦГВИА. Ф. 400. Оп. 261/911. Д. 19/1897 г. Л. 1–2. См. также: В. А. Соколова. Российское общество Красного Креста в военных конфликтах (1870–1902 гг.), *Вестник СПбГУ*. Серия 2, III (2013). С. 162–168.

Дом, где в 1896 г. работали врачи русского санитарного отряда. 2008 г.
Фото Ефима Резвана

Меня еще не было на свете в то время; нет ничего, что бы я прочитал об этом; но и я встретил историю, которая пришла, передаваясь [из уст в уста] — ведь о добром деле все время рассказывают — поэтому о них и вспоминают», — сказал нам *шейх* Ибрагим Шариф¹⁶. Для нас же эта история сохранилась в живых предметах, переданных в МАЭ по результатам работы «Абиссинско-санитарно-этнографической выставки»¹⁷.

Удивительно «внешним» по отношению к внутренне гармоничному старому городу оказался «Дом Рембо», обустроенный в условно отреставрированном здании харарско-индийской архитектуры. Дом был построен богатым индийским купцом в начале XX в. (якобы на месте, где некогда стоял дом, в котором жил французский поэт, ставший негодичантом). Артур Рембо (1854–1891), сославший себя «на торговую каторгу», перебрался сюда из Адена. Он стал заниматься торговлей кофе и кожами, собирать слоновую кость. Считая перерывы, Рембо прожил в Хараре больше десяти лет (1880–1891)¹⁸, при этом, «занимаясь торговлей, Рембо словно бы забыл о том, что был поэтом. Во всяком случае, он никому не рассказывал о сво-

¹⁶ Видеоинтервью с *шейхом* Ибрагимом Шарифом, главой Высшего духовного совета Харара. Материалы экспедиции МАЭ РАН 2008 г., хронометраж: 01:32–01:45. Подробнее см. Г. В. Цыпкин. Русские медики в Эфиопии. У истоков отношений двух стран, *Новая и новейшая история*, IV (2017). С. 109–116.

¹⁷ Подробнее выше в главе «Золотая дверь».

¹⁸ E. Foucher. Harar au temps d'Arthur Rimbaud, 1880–1891, *Proceedings of the 8th International Conference of Ethiopian Studies*. Addis Ababa: Institute of Ethiopian Studies, Addis Ababa University, 1984, I. P. 367–373.

«ЛИШЬ НЕБУ ВЕДОМЫ ПРЕДЕЛЫ НАШИХ СИЛ...»

ей прошлой жизни. К поэзии Рембо так и не вернулся, а то, что им было написано во время скитаний, словно демонстративно лишено всякой поэзии. Намеревался Рембо составить для географического общества книгу о Хараре с картами и фотографиями (купил фотоаппарат), но послал в различные периодические издания лишь несколько статей. Писал главным образом письма. Они поражают необыкновенной сухостью и деловитостью, абсолютным отсутствием фантазии, воображения, лиризма, всего того, что с могучей и, казалось, неиссякаемой силой проявляло себя в художественном творчестве Рембо. <... > Торговля для Артюра Рембо была своего рода очередным экспериментом. Условия, в которых эксперимент ставился, были приняты Рембо, но мало его интересовали сами по себе, не задевали его воображения, не пробуждали чувств. Став торговцем, Рембо не стал буржуа. В его лаконизме, его вызывающей сухости, его принципиальном умолчании заключены вызов, протест. Осудив себя в “Поре в аду”, он приговорил себя к муке, отправил себя на каторгу. <... > Не случайно для заключительного акта трагедии было выбрано и действие — торговля, и место действия — Африка. И то, и другое окрасило финальную сцену кричащими красками тупика и обреченности, трагическими красками абсолютного одиночества. Все направляло Рембо к этому одиночеству, все выталкивало его из поэзии, в том числе и непризнание. Рембо — гениальный поэт — умер в роли заурядного торговца¹⁹.

Гумилев не мог не знать о «харарском периоде» Рембо, но в его материалах, связанных с Африкой, о нем нет ни строчки. Если Рембо убежал в Харар от поэзии, то Гумилев приезжал сюда за ней, при том что и тот, и другой оставили тексты, имевшие научно-прикладное значение²⁰.

«Дом Рембо». 2008 г.
Фото Татьяны Федоровой

¹⁹ Л. Г. Андреев. «Феномен Рембо», в книге: А. Рембо. *Поэтические произведения в стихах и прозе*. М.: Радуга, 1988. С. 27.

²⁰ Рембо оставил, в частности, «Сообщение об Огадене» (1883). Ряд его писем содержат первые европейские описания местных торговых путей. Подробнее см.: О. Ю. Панова. Африканская поэма» негонианта Артюра Рембо: письма из Абиссинии и доклад об Огадене, *In memoriam. Георгия Константинович Косиков*. М.: б. и., 2011. С. 74–93.

В качестве культурного и музейного центра «Дом Рембо» был торжественно открыт в 2000 г. Сегодня здесь выставка запыленных копий старых фотографий, музейный магазинчик и замечательные виды из окон.

Дворец Тэфэри Мэконнына (будущего императора Хайле Селассие I) удивительным образом соответствовал описанию Гумилева: «Дворец дедьязмага, большой двухэтажный деревянный дом с крашеной верандой, выходящий во внутренний, довольно грязный двор, напоминал не очень хорошую дачу, где-нибудь в Парголове или Териоках»²¹. Тот, кто видел в Репино разрушающиеся старые дачи, бывшие раньше летними базами детских садов или ведомственными домами отдыха, хорошо поймет меня.

Сейчас на первом этаже дома располагается музей быта Харара, где я нашел для себя много интересного. Участники экспедиции стояли в том самом дворе, где Гумилев и Сверчков некогда фотографировали будущего императора и его супругу: «Через несколько дней мы пришли с фотографическим аппаратом. Ашкеры расстелили ковры прямо на дворе, и мы сняли дедьязмага в его парадной синей одежде. Затем была очередь за принцессой, его женой. Она сестра *лиджа* Иясу, наследника престола, и, следовательно, внучка Менелика. Ей двадцать два года, на три года больше, чем ее мужу, и черты ее лица очень приятны, несмотря на некоторую полноту, которая уже испортила ее фигуру. Впрочем, кажется, она находилась в интересном положении. Дедьязмаг проявлял к ней самое трогательное вниманье. Сам усадил

В «Доме Рембо». 2008 г.
Фото Татьяны Федоровой

²¹ Гумилев. Африканский дневник, *Сочинения*, VI. С. 93.

Дворец Тэфэри Мэконнына. 2008 г.
Фото Ефима Резвана

«ЛИШЬ НЕБУ ВЕДОМЫ ПРЕДЕЛЫ НАШИХ СИЛ...»

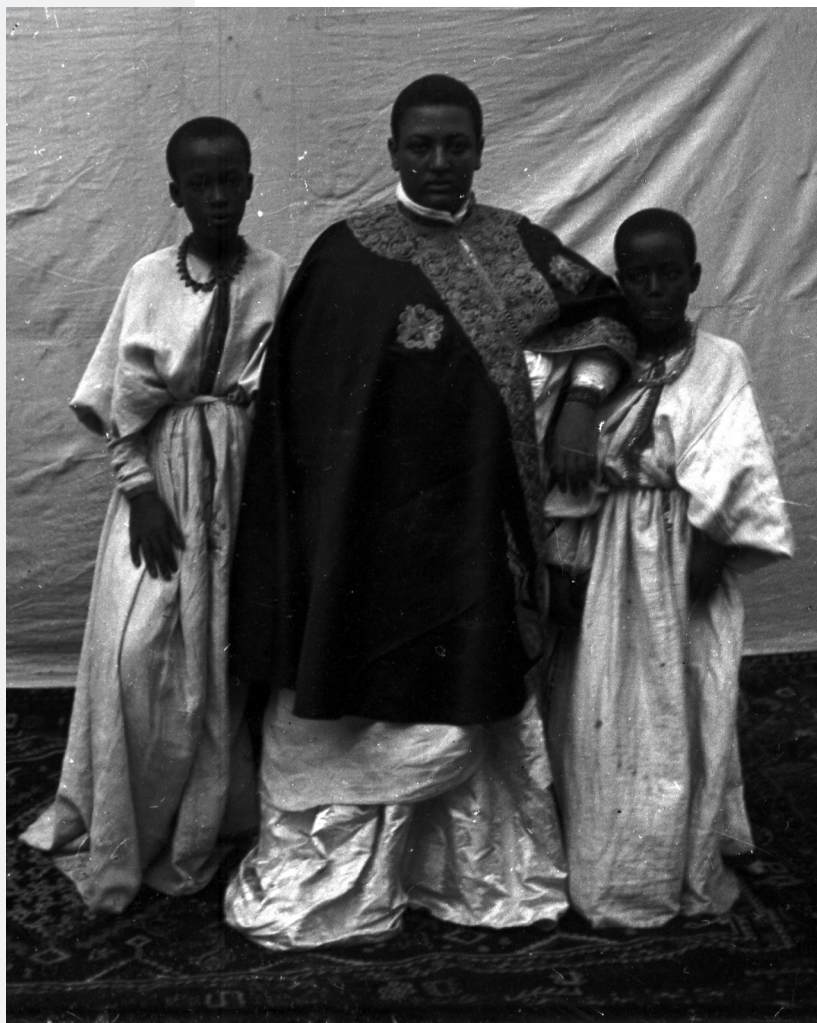
в нужную позу, оправил платье и просил нас снять ее несколько раз, чтобы наверняка иметь успех. При этом выяснилось, что он говорит по-французски, но только стесняется, не без основания находя, что принцу неприлично делать ошибки. Принцессу мы сняли с ее двумя девочками-служанками»²².

Основная программа в Хараре была выполнена. В одном из богатых частных домов, где мы договорились о съемках традиционных интерьеров, удалось купить целую коллекцию очень интересных предметов. Купили и рукопись последней четверти XIX в., связанную с местными религиозными традициями, что для меня лично было особенно важно²³.

Всей командой мы сидели в небольшом садике у гостиницы, пробуя отличный коньяк, который купили по дороге. Кто-то предложил посмотреть на местную ночную жизнь, благо в христианской части города работали клубы и дискотеки. С транспортом тут проблем не было: в качестве такси работали старые и поэтому абсолютно неубиваемые «Пежо». Вскоре к гостинице подкатили две такие машины.

Я решил никуда не ехать. Был полон впечатлениями от рукописей и вообще от удивительной атмосферы города и ничего не хотел расплескать. Тут как в детстве, когда в темной ванной возишься с фотопленкой: проявитель — промывка — фиксаж — промывка — сушка... Потом фотоувеличитель, снова проявитель, фиксаж и промывающий раствор в кюветах. Видишь, как у тебя на глазах возникает изображение, становится все контрастнее и четче. Так и с опытом, если хочешь его сохранить.

Я вспоминал рукописи, которые видел сегодня. Почти в каждой — жизнь нескольких поколений людей: колофоны (если повезет — с читаемой датой, именем переписчика и местом переписки), владельческие печати и записи, различные пояснения и толкования на полях, магические квадраты. Тут — игра ума и полемика, восторженные восклицания и негодование, война и мир, рождения и смерти, приобретения и потери... Нужно только захотеть и суметь все это увидеть и прочесть. Рукопись

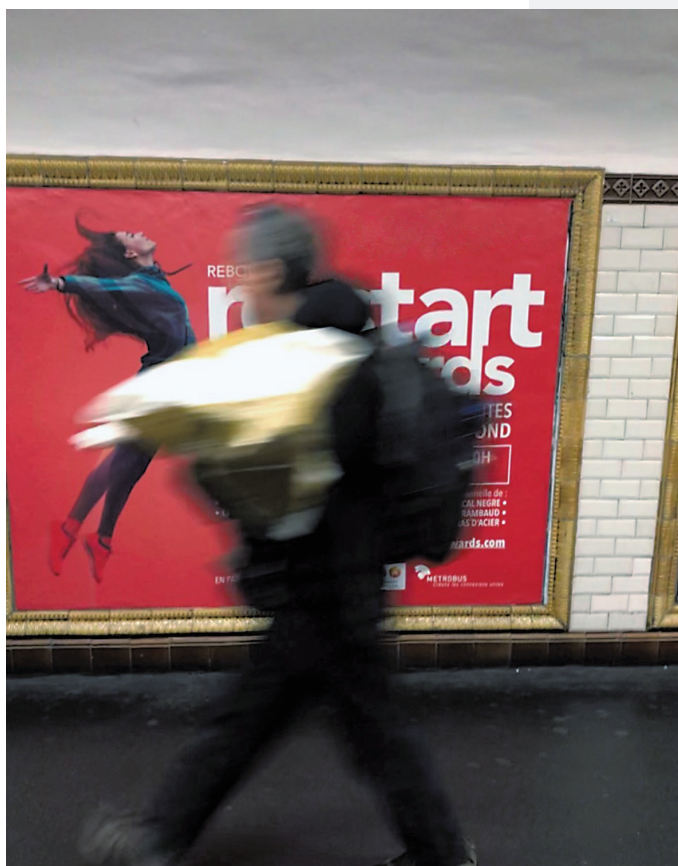

Н. С. Гумилев, Н. Л. Сверчков.
«Жена дедьязмача Тэфэри с прислужницами». 1913 г.
МАЭ № 2198-163

²² Там же. С. 94.

²³ Об этой рукописи см. ниже в главе «Калам и книги».

В парижском метро. 2010 г.
Фото Ефима Резвана

открыта, она всегда готова рассказать свою историю. Иногда прежние записи по какой-то причине смывались или стирались, а поверх них писали новые. Реже, главным образом с дорогого пергамента, соскабливали или смывали целые страницы для повторного использования. Так получался палимпсест — *codex rescriptus*.

* * *

— Привет! Подруга рассказала, что ты вчера по театру расхаживал с начальством. Такой важный, что тебя приняли за какого-то олигарха...

— А я-то удивлялся: на меня так заинтересованно никогда не смотрели столько классных женщин!

— Обломиться им всем! Приеду к тебе сегодня.

— Только поужинаем в городе. Холодильник пустой.

Мы сидели в кафе неподалеку от театра. Там мне особенно нравилось, я бы лучше поискал какое-нибудь незнакомое место, где мы еще не были, но она потянула сюда, и я не стал спорить. Ее тут знали, к нам кто-то регулярно подходил, продолжая разговоры, абсолютно

далекие от меня. Я начинал злиться, прекрасно понимая, что для этого нет никаких причин.

— Ты можешь меня куда-нибудь увезти далеко? Прямо сейчас. Чтобы встать и поехать?

— Ты серьезно?

— Очень! Сейчас только кофе допью и пойдем.

Август в тот год выдался холодным. Было ветрено и пасмурно. Часто включался мелкий и бесконечный дождь. Мы вышли из кафе, и я тут же поймал лицом заряд крошечных капель.

— Даже не хочу знать, куда двинем, — сказала она, усаживаясь и регулируя температуру в своей части салона: в моей машине ей почти всегда было холодно.

Она все больше молчала, потом сняла мою руку с руля, потерлась об нее щекой и сказала:

— Можно я посплю немного? Очень устала, и вообще дерганая какая-то последние дни.

«ЛИШЬ НЕБУ ВЕДОМЫ ПРЕДЕЛЫ НАШИХ СИЛ...»

Я выехал на Выборгское шоссе, хотел сначала остановиться где-нибудь рядом с Зеленогорском, но потом неожиданно сообразил, что у нас собой загранпаспорта: она только что прилетела из Парижа, а мой так и лежал в планшете после возвращения. Я как-то невероятно быстро доехал до Торфяновки, купив зеленую карту на заправке почти у самой границы.

Она совершенно не удивилась, проснувшись. На погранпереходе передо мной была только одна машина с финскими номерами. Мы без задержек оформили документы и уже через полчаса были в Финляндии.

— Куда теперь?

— Есть местечко. Минут сорок езды. Максимум — час.

За границей дождь, как по заказу, закончился, и еще до часу ночи мы получили ключи от своего номера в небольшой придорожной гостинице.

— Блин, скандинавский минимализм!

Она повернулась ко мне и поцеловала.

— Как здорово! Спасибо тебе! Я срочно в душ.

Завтракать поехали в рыбацкий хутор неподалеку. Там замечательно коптили свежельовленную рыбу.

Мы сидели за столом на берегу, разложив на вощеном листе бумаги здоровую рыбину — одну на двоих, — и подхватывали пластмассовыми вилками сочные янтарные куски, щедро посыпанные зеленью. Запивали все это богатство безалкогольным пивом.

С утра распогодилось. Ветра почти не было. Солнце, показавшееся из-за пышного облака, разбрасывало блики на водной ряби узкого заливчика.

— А кофе тут варят?

— Варят. Но вкуснее будет в кафешке у яхтенного пирса. Это — минут пятнадцать езды.

— Откуда ты все тут знаешь?

— Я же журнал издавал в Финляндии сначала. Ездил сюда минимум четыре раза в год.

У пирса кроме множества небольших белых яхт и катеров разного размера стоял и двухмачтовый парусник, сделанный, судя по форме и отделке, лет сто назад.

— Красивый какой! Он старинный, что ли?

Она радовалась и горячему кофе, и вкусному слоеному пирожному с хрустящей корочкой сверху, и покою безлюдного залитого солнцем пирса. А я радовался, глядя на нее.

— Здесь и пароходы колесные еще бегают.

— Я тебе нравлюсь?

— Очень!

Нужно было возвращаться, но мы еще прошлись немного по светлой рощице на берегу. Вдоль тропинки стояло множество белых грибов, которые тут никто не трогал. За полчаса мы набрали большущий полиэтиленовый пакет, обнаруженный мной в машине.

— Какие здесь грибные места! Никогда в жизни не собирала столько!

* * *

Я написал этот текст спустя десять лет после той неожиданной поездки. Пока работал, прожил все заново, остро и ярко, как будто бы все произошло вчера и все еще продолжается прямо сейчас. Я вновь ощутил и вкус, и цвет того дня. Все ожило, но я увидел все иначе. Наверное, то был вкус и цвет счастья.

Едва я закончил работу, как зазвонил телефон:

— Привет! Я выезжаю.

Был горячий, совсем южный вечер. Мы гуляли по тенистому Румянцевскому саду, который пах летом. Замечательная девушка что-то оживленно рассказывала мне, а я, продолжая жить тем днем, не мог понять, что со мной происходит. *Codex rescriptus* — жестокая штука.

* * *

Направляясь вслед за Гумилевым в Джиджигу²⁴, мы собирались остановиться на ночь в местной гостинице, однако, поговорив с нашими водителями, решили этого не делать: сомалийская граница, за которой «бандитская вольница», лежит всего лишь в 60 км. На протяжении многих веков город, стоявший на древнем торговом пути между Хараром и портом Зейла, был местом привала громадных караванов. Сегодня сомалийцы составляют едва ли не 100% жителей города, который в 1977–1978 гг. стал местом кровопролитных боев в войне за Огаден. Только благодаря 20-тысячному контингенту кубинцев и южных йеменцев, а также

Джиджига, 2008 г.
Видео Татьяны
и Александра
Соловьевых

²⁴ Здесь, равно как и у «заезжего сомалийца» в Хараре, им было куплено 26 предметов, хранящихся ныне в музее (коллекция МАЭ № 2156), см., например, ниже в главе «Калам и книги».

«ЛИШЬ НЕБУ ВЕДОМЫ ПРЕДЕЛЫ НАШИХ СИЛ...»

последовательной организационно-технической поддержке СССР, эфиопские войска вынудили сомалийцев отступить за прежнюю границу. Партизанская война на этих территориях продолжалась, впрочем, до начала 1980-х гг.²⁵

Дорога жила своей жизнью: традиционно много людей здесь ходит пешком на весьма далекие расстояния, и путники — мужчины, женщины с рюкзаками и традиционными желтыми полиэтиленовыми канистрами в руках, верблюды, груженные различным скарбом — тянулись по обочинам в обоих направлениях. Жители придорожных деревень подрабатывают продажей древесного угля, на котором, собственно говоря, и варят чудесный здешний кофе. Они рубят в саванне небольшие деревья, жгут их и продают уголь в мешках прямо у дороги.

Внимание приезжих традиционно привлекают скальные выступы разных форм на склонах Карамарских гор, подпирающих шоссе. Неподалеку тут обнаружены следы интересной мегалитической культуры²⁶.

Джиджигга — город одноэтажный по преимуществу и уже отчетливо сомалийский. Тесные торговые ряды, где в изобилии представлены ткани, местные благовония, кухонная утварь, обувь, женская одежда традиционного кроя, очень похожая на йеменскую. Я запомнил человека, сидящего на тротуаре на низком стульчике за пишущей машинкой и зарабатывавшего составлением писем и документов. В памяти тут же всплыла знаменитая история про маленького Ходжу Насредина:

«Покинув старуху, он устремился в глубину сапожного ряда, затем, переулком, к водоему Ески-Хауз, где в тогдашние времена сидели базарные писцы, составители всевозможных прошений и жалоб, а преимущественно — доносов <...>»

Н. С. Гумилев, Н. Л. Сверчков.
«Грузовое седло верблюда», 1913 г.
МАЭ № 2198-57

Остановка по дороге в Джиджигу. 2008 г.
Фото Татьяны Федоровой

²⁵ N. Matshanda. *Centres in the Periphery: Negotiating Territoriality and Identification in Harar and Jijiga from 1942*, PhD thesis. The University of Edinburgh, 2014. Электронный ресурс: <https://pdfs.semanticscholar.org/e51e/aa84c13ba093ddf2bc242117aa9d8179dd71.pdf> (последнее посещение 20.09.2022).

²⁶ T. Teshale & A. Abdulahi. *Megalithic Heritage Sites of Ethiopia: the Case of Derbi Belanbel Steles in the Somali Region*. *Cogent Arts and Humanities*, VIII/1 (2021). Электронный ресурс: <https://doi.org/10.1080/23311983.2021.2000123> (последнее посещение 21.09.2022).

Джиджига: уличный переписчик. 2008 г.
Фото Ефима Резвана

— Какая тебе нужна надпись, мальчик? Говори — и я тебя осчастливлю.

— Всего три слова, — сказал маленький Насреддин. — Большими буквами: “Зверь, именуемый кот”.

— Как? Повтори... “Зверь, именуемый кот”? Гм...

Писец поджал губы и устремил на мальчика пронзительный взгляд своих остреньких цепких глаз:

— А зачем, скажи, понадобилась тебе такая надпись?

— Кто платит, тот знает, за что он платит, — уклончиво ответил Насреддин. — Какова цена?

— Полторы таньга, — последовал ответ.

— Так дорого? Всего три слова!

— Зато — какие слова! — отозвался писец. — Зверь!.. — он сделал таинственно-зловещее лицо. — Именуемый! — он прошептал это слово, придав ему какой-то преступно-заговорщицкий оттенок. — Кот!.. — он вздрогнул и отпрянул всем телом, как бы коснувшись змеи.

— Да кто же тебе возьмется за такую работу дешевле?

Пришлось маленькому Насреддину согласиться на цену в полторы таньга, хотя он так и не понял, в чем состоит опасная глубина его надписи.

Писец вытащил из-под коврика кусок желтоватой китайской бумаги, ножом обрезал его, вооружился кисточкой и принялся за работу, сожалея в душе, что из трех слов, порученных ему, нельзя, при всей его ловкости, выкроить ни одного для доноса»²⁷.

«ЛИШЬ НЕБУ ВЕДОМЫ ПРЕДЕЛЫ НАШИХ СИЛ...»

Уже перед отъездом из города мы заскочили на полупустой базар, с утра — оживленное место торговли скотом, — но мы приехали слишком поздно.

Возвращались уже в темноте, чего так не любили наши водители. Было полнолуние. Над гребнями гор, а потом и над пустынной равниной висел невероятно большой и яркий лунный диск:

Мы пустились в дорогу. Дышала трава,
Точно шкура вспотевшего льва,
И белели средь черных, священных камней
Вороха черепов и костей.
В целой Африке нету грозней сомали,
Безотраднее нет их земли,
Столько белых пронзило во мраке копье
У песчаных колодцев ее,
Но приходят они и сражаются тут,
Умирают и снова идут.
И когда перед утром склонилась луна,
Уж не та, а страшна и красна,
Понял я, что она, точно рыцарский щит,
Вечной славой героям горит,
И верблюдов велел положить, и ружью
Вверил вольную душу мою²⁸.

У меня оказался один свободный день в Хараре, который я очень хотел вновь посвятить рукописям. Мне посчастливилось работать с О. Ф. Акимушкиным (1929–2010), выдающимся специалистом по мусульманской рукописной традиции. К нему можно было подойти в коридоре института, показать фотографию рукописи и попросить датировать и локализовать список. Обычно он немедленно отвечал, задумываясь лишь над ответом на мой следующий вопрос: «Почему Вы так считаете?» Было очень интересно следить за ходом его мысли, «вылавливавшей» из многолетнего опыта работы с рукописями элементы, позволившие ему ответить именно так. Как-то раз он очень спешил и на мой уточняющий вопрос ответил просто: «Ефим, у меня глаз набит». Встречи и совместная работа с Олегом Федоровичем и его замечательными коллегами той поры отчетливо показали мне, что память и возможности человека бесконечны — «лишь небу ведомы пределы наших сил»!

²⁸ Николай Гумилев. Сомали. 1918 г.

На харарской улочке. 2008 г.
Фото Татьяны Федоровой

Для меня было чрезвычайно важно пересмотреть в Хараре как можно больше рукописей, чтобы вот так же «набить глаз», научившись интуитивно выделять созданные здесь списки из сотен других. Поработав с рукописями, я потом решил просто побродить по улицам, вслушиваясь в разноголосый шум, любуясь тенями от *мазаров* и минаретов, запоминая внутренний ритм этого удивительного города, его запахи и образы. Я проходил по улицам, в которых можно было снимать фильм о средневековом Багдаде, ничего не меняя. Именно так в свое время мудро поступил Пьер Паоло Пазолини, работавший без декораций на живых йеменских улочках и сделавший там множество эпизодов «Цветка тысячи и одной ночи» («Il fiore delle mille e una notte») с родившейся в Эритрее красавицей Инес Пеллегрини в главной роли.

Уставшие за день люди шли домой. Устал и я, но все-таки с удовольствием побродил бы еще. Нужно возвращаться в гостиницу. Завтра с утра мы уезжаем, и еще нужно успеть покидать вещи в чемодан и записать для памяти пару соображений по поводу рукописей, которые нам показывали с утра. Со стоявшего рядом минарета зазвучал призыв на вечернюю молитву. *Азан*, усиленный мощными динамиками, перекликался эхом и плыл над городом:

Харар: одно из святых мест. 2008 г.
Фото Ефима Резвана

Вечер. Глаз различить не умеет
Ярких нитей на поясе белом.
Это знак, что должны мусульмане
Пред Аллахом свершить омовенье,
Тот водой, кто в лесу над рекою,
Тот песком, кто в безводной пустыне.
И от голых песчаных утесов
Беспокойного Красного моря
До зеленых валов многопенных
Атлантического океана
Люди молятся²⁹.

²⁹ Николай Гумилев. Судан. 1918 г.

*И млечное, ленивое сиянье
От матовой луны на минаретах...*
А. Н. Островский. Снегурочка. 1873 г.

